

УДК 94(438)13:323.31(045)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/81/2

Три галицких шляхетских рода с берегов Быстрицы-Солотвинской в XV в.

С.С. Пашин

Тюменский государственный университет

Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 23

E-mail: pashin-s@yandex.ru

Авторское резюме

Статья посвящена шляхетскому населению Галицкой земли XV в. в бассейне Быстрицы-Солотвинской (ныне в Ивано-Франковской области Украины). В этом микрорегионе площадью около 800 км² было 13 сёл. 6 сёл принадлежали шляхтичам польского происхождения, проживавшим за границами микрорегиона. 2 села в 1461 г. лишились прежних владельцев. К концу XV в. здесь осталось 5 православных родов русинского и волошского происхождения, которые владели семью небольшими сёлами. История перешедших в 1509 г. на сторону молдавского господаря Богдана III Кнегининских и Дрогомирецких изучена автором в статье 2023 г. в журнале «Русин». В настоящей статье проанализированы происхождение, родственные связи и материальное положение Креховских, Опришовских и Джураковских – трёх родов, которые в 1509 г. сохранили верность Короне Польской. Практически все шляхетские сёла были пожалованы польскими властями в 70-е гг. XIV – первой половине XV в. Родоначальники трёх (из 5) семейств, возможно, были полупривилегированными слугами польских правителей. Статья акцентирует внимание на локальных особенностях шляхетского населения в различных частях сравнительно небольшой Галицкой земли Русского воеводства Польского королевства в XV в.

Ключевые слова: галицкие шляхтичи, генеалогия, XV в., река Быстрица-Солотвинская

Three Galician noble families on the banks of the Bystrytsia Solotvynska in the 15th century

Sergey S. Pashin

Tyumen State University
23 Lenina Street, Tyumen, 625003, Russia
E-mail: pashin-s@yandex.ru

Abstract

The article examines the nobility within the Galician region of the 15th century, focusing on the basin of the Bystrytsia Solotvynska River (located in present-day Ivano-Frankivsk Oblast, Ukraine). This microregion, covering approximately 800 km², contained a total of 13 villages, six of which were owned by Polish-origin nobles, residing outside the area. In 1461, two villages changed hands from their previous owners. By the close of the 15th century, five Orthodox families of Rusin and Wallachian (Moldavian) origin held seven smaller villages. The history of Knegininski and Drogomiretski families, who defected to Moldavian Voivode Bogdan III in 1509, was explored by the author in a 2023 Rusin journal article. The present study analyzes the origins, familial connections, and economic standing of the three families that remained loyal to the Polish Crown in 1509: the Krekhovski, Opryszowski, and Dzhurakovski. Nearly all noble estates in this area were bestowed by the Polish authorities between the 1370s and the first half of the 15th century. It is possible that the ancestors of three out of these five families were individuals of intermediate status in the service of the Polish rulers. The article highlights the distinct local characteristics of the noble population in various parts of the relatively small Galician territory within the Rusin Voivodeship of the Kingdom of Poland during the 15th century.

Keywords: Galician noblemen, genealogy, 15th century, Bystrytsia Solotvynska

Данная статья продолжает серию наших историко-генеалогических исследований галицкой шляхты XV в. Сюжеты настоящей статьи порождены содержанием нашей статьи 2023 г. в журнале «Русин». В ней прослеживались судьбы семи галицких шляхетских родов XV в. Летом 1509 г. представители всех этих родов оказались в числе 24 шляхтичей, перешедших на сторону господаря Богдана III во время грабительского молдавского похода на Червонную Русь.

В конце статьи мы выразили несогласие с М.С. Грушевским, который характеризовал измену 24 человек как «массовый переход украинской шляхты Галицкой земли», продиктованный якобы «опре-

делённой внутренней связью» между православными народами Западной Украины и Молдавии. Мы подкрепили своё мнение двумя аргументами. Во-первых, все или почти все изменники проживали в сёлах, которые в 1509 г. оказались на пути молдавского войска. Иначе говоря, шляхтичи изменили Короне Польской не совсем по своей воле. Во-вторых, мы акцентировали внимание на том, что 24 (со)владельца дюжины сёл – это очень малая часть шляхетского населения Галицкой земли [4: 25].

Данную статью можно считать ещё одним аргументом в пользу мнения о лояльности польским властям подавляющего большинства галицкой православной шляхты русинского и волошского происхождения на рубеже XV–XVI вв.

В 1509 г. 8 из 24 шляхтичей проживали в бассейне Быстрицы, площадью около 2,5 тыс. км². Быстрица – один из главных правых притоков Днестра, несмотря на то, что её длина – всего 17 км. Река берёт своё начало 1 км севернее Ивано-Франковска, образуется в результате слияния Быстрицы-Солотвинской и Быстрицы-Надворнянской. В статье 2023 г. мы проследили историю живших в низовьях Быстрицы-Солотвинской Кнегининских и Дрогомирецких, поскольку в 1509 г. среди 24 изменников оказались двое шляхтичей из первого рода и четверо – из второго [4: 17–21]: итого шестеро, т. е. каждый четвёртый.

Настоящая статья посвящена истории трёх шляхетских родов, которые не перешли в 1509 г. на сторону молдавского господаря Богдана III. Они проживали (вместе с другими шляхтичами) на территории площадью около 800 км² – в бассейне Быстрицы-Солотвинской, а точнее, на обоих берегах этой реки длиной 82 км. По нашим подсчётам, в XV в. в нижнем и среднем течении реки, на протяжении примерно 50 (из 82) км, было только 13 сёл. Проследим их расположение вверх по течению.

При слиянии обеих Быстриц находилось село Волчинец, которое в 1473 г. принадлежало великопольскому можновладцу, познаньскому каштеляну Петру с Шамотул [6: 408]. Выше по течению с Волчинцом граничило село Кнегинин (ныне микрорайон Княгинин на северо-западе Ивано-Франковска). Ещё южнее, на том же правом берегу Быстрицы-Солотвинской, раскинулись угодья села Креховцы (ныне Криховцы на границе с Ивано-Франковском).

На противоположном (левом) берегу, напротив Креховцев, находились сёла Загвоздьё и бывший приселок Пасечное (ныне район улицы Пасечной в Ивано-Франковске). Загвоздьё (наряду с другими сёлами) король Владислав-Ягайло пожаловал в 1394 г. видному жидачовскому шляхтичу русинского происхождения Даниле Дажбоговичу Задеревецкому, потом село принадлежало его потомкам

Чагровским, позднее сменило ещё двух владельцев и, наконец, в 1483 г. было куплено соседом Грицко Креховецким [5: 54; 8: 190]. Выше по течению с Креховцами граничили Дрогомирчаны (ныне Драгомирчаны) [6: 101].

Восточнее Креховцев и Дрогомирчан видим село Опришовцы (ныне микрорайон Опришовцы на юго-востоке Ивано-Франковска). Формально село находилось на левом берегу Быстрицы-Надворнянской, однако мы включили очерк о владельцах Опришовцев в эту статью, потому что, во-первых, Быстрица-Солотвинская протекала всего в 4–5 км от села, во-вторых, Опришовские были довольно близкими родственниками Дрогомирецких и, в-третьих, они же длительное время были владельцами Старуни.

Выше (южнее) Дрогомирчан находилось принадлежавшее этническим полякам-галицким можновладцам Колам село Лисец – пожалование венгерской королевы Марии (1382–1385) [6: 69, 102, 150, 319; 8: 206, 216; 14: 32(В)]. Ныне – это, скорее всего, не посёлок Лисец на правом берегу, а село Старый Лисец на левом берегу Быстрицы-Солотвинской.

В наши дни далее следуют село Старые Богородчаны – на левом и посёлок Богородчаны – на правом берегу реки. Заложенное всего за 200 гривен Владиславом Варненчиком (1434–1444) фактическим хозяевам Подолии Буцацким село Богородчаны, вероятно, находилось на левом берегу, по соседству с нынешним Старым Лисцом [6: 93, 177; 8: 201; 14: 38(В)]. В 40-е гг. XV в. Буцацким также принадлежали сёла Ляховцы (ныне Подгорье) [6: 93, 157, 195] – на правом и Раковец [6: 202] – на левом берегу реки.

Источники 60–80-х гг. XV в. указывают на принадлежность Якову Буцацкому заложенного королевского имения Монастырчаны – примерно в 4 км ниже Раковца, на правом берегу Быстрицы-Солотвинской [6: 338; 8: 192; 14: 39(В)]. Рядом с Монастырчанами, на разных берегах реки, друг против друга расположились сёла Джураки и Старуня. В XV в. выше Раковца начинались безлюдные Карпатские предгорья и горы.

Список шляхетских родов, постоянно проживавших в конце XV в. на берегах Быстрицы-Солотвинской, оказался сравнительно коротким – это Кнегининские, Креховские, Дрогомирецкие, их родичи Опришовские и, наконец, Джураковские.

Креховские

Родоначальником Креховских (с последней четверти XV в. – Креховцевских), возможно, был известный по списку свидетелей разъездной грамоты 1404 г. галицкого старосты Петра Влодковича «пан Лань

Креховичь» [5: 67–68]. Его сыном мог быть впервые упомянутый в списке шляхтичей Галицкого повета от 28 июня 1427 г. Александр Lay de Krechanicze [13: 184]. Последнее упоминание Александра Креховского датируется первой половиной 1442 г.: пан Александр вместе с племянником (и соседом) Яном Кнегининским, сыном успешного умереть Мацея, заплатили штраф за убийство Мацеем шляхтича Васька и вернули себе половину дедичного села Кнегинин(о) [6: 101].

С июля 1443 г. владельцем Креховцев выступает Васько (Василько) – определенно, единственный сын Александра [6: 116, 153]. В конце 1450 г. Васько выкупил у своего «брата» Яна его часть Кнегинина за 100 гривен и стал единственным владельцем половины села Кнегинин [6: 204]. При этом следует помнить о двух обстоятельствах. Во-первых, судебные записи не утверждают, что Александр Креховский и Мацей Кнегининский были родными братьями, а их сыновья Васько Креховский и Ян(ец) Кнегининский – кузенами. Впрочем, их близкое родство не вызывает сомнений. Во-вторых, очевидно, что несколько Кнегининских 50–60-х гг. XV в. – совладельцев второй половины села – были родственниками друг другу и чужаками для Васька Креховского и Яна Кнегининского.

Пан Ян более 10 лет жил на проценты от дачи в долг денег, полученных от продажи части Кнегинина и, видимо, от приданого жены Ганны Дрогомирчанской. После мая 1464 г. он бесследно исчезает вместе с супругой [6: 272, 297].

Женатый на шляхтянке Ульяне Васько Креховский также не пренебрегал ростовщицеством [6: 232, 305, 350], а полученные доходы стремился использовать для расширения своих земельных владений. В декабре 1458 г. он купил за 30 гривен у Ивана Дрогомирецкого дворище в соседнем селе Дрогомирчаны и за 10 гривен у Михаила Кнегининского – луг в Кнегинине, в 1465 г. стал владельцем оцененной в 24 копы грошей (30 гривен) части села Ляцкое, в 10 км от Креховцев [6: 259, 300].

Во время проведения люстрации заложенных королевских имений 1469 г. Waszko Crechowski предъявил «грамоту вечного дарения древнего короля (Владислава-Ягайло. – С.П.) на два села: Crechowucz – в Галицком, другое также Crechowicz – в Жидачовском (поветах. – С.П.) и монастырь Святой Пятницы», с обязанностью службы одним копьём и двумя лучниками [14: 35(В)]. Жидачовские Креховецкие иногда встречаются в документах конца XV – первой четверти XVI в. [7: 571; 11: 267], однако нет ни одного даже косвенного намёка на их родство с галицкими однофамильцами.

Умерший между июнем 1478 и маем 1480 г. [8: 184, 291] Васько имел сына Грицка и дочь Хоцимку, «иначе Фенну», не позднее 1470 г.

вышедшую с 50 гривнами приданого за галицкого шляхтича-русина Федька Подмихайловского [6: 334]. В январе 1489 г. она уже была супругой шляхтича Микиты Телеша и судилась с братом из-за положенной ей доли материнского имущества [8: 263].

Грицко с самого первого упоминания в судебных протоколах звался не Креховским, а Креховецким (Krechowecki, Crechoweczky). По примеру отца он активно занимался земельными стяжаниями. Не позднее 1480 г. Грицко (или его отец?) стал держателем села Педиковцы (ныне Пядики) под Коломыей; в мае 1480 г. формально получил 60 гривен приданого за первой женой Рухной, дочь колумыйского шляхтича Романа Княждворского, однако фактически речь шла о том, что Грицко одолжил тестю 60 гривен, а Роман с согласия дочери записал зятю 120 гривен долга на половине села Княждвор (тоже под Коломыей, но южнее), с правом распоряжаться этой половиной вплоть до уплаты 120 гривен [8: 184]. Со смертью в начале-середине 80-х гг. XV в. не имевшего сыновей Романа и Рухны Грицко стал владельцем всего села.

В августе 1482 г. Грицко продал Педиковцы за 194 гривны коломыйскому шляхтичу Максиму Ланчинскому, примерно в это же время, видимо, расстался и с Княждвором, а вырученные деньги пошли на покупку в январе 1483 г. у Миколая Карнковского за весомые 500 гривен соседних сёл Загвоздь и Пасечное [8: 190]. За 20 лет Загвоздь заметно выросло в цене: Станчул Чагровский в апреле 1461 г. продал село вместе с приселками Пасечное и Монастырь могущественному галицкому старосте Станиславу Одровонжу за 350 гривен, а последний в августе 1463 г. перепродал куплю Миколаю Карнковскому всего за 310 гривен [6: 270, 284]. Во время проведения люстрации 1469 г. Карнковский предъявил жалованную грамоту управлявшего Червонной Русью князя Владислава Опольского *super villa Zagoszde in Haliciensis* (без указания адресата), при условии службы одним копьём и одним лучником [14: 37(B)].

В январе 1487 г. Грицко получил 100 гривен приданого за второй женой Олёной, «иначе Олехной», дочь покойного жидачовского шляхтича волошского происхождения Фёдора Чолганского. 200 гривен вена были записаны на всём селе Креховцы и половине части Кнегинина [8: 207].

Польские историки А. Бонецкий и Л. Выростек, ссылаясь на книгу 1865 г. М. Дзедушицкого, писали о том, что в 1496 г. Грицко записал на Загвоздь 100 гривен вена третьей жене Олухне – младшей дочери видного жидачовского шляхтича русинского происхождения Яцка Дедушицкого [9: 262; 12: 94, 162]. Следует уточнить, что ни один источник рубежа XV–XVI вв. не знает об Олухне Дедушицкой,

а М. Дзедушицкий, информируя о венной записи, ссылался на какую-то выписку «из документов Шептицкого» [10: 43]. Это заставляет скептически относиться к реальности третьего брака Грицка Креховецкого.

Зато нет никаких оснований сомневаться в подлинности подтверждения, выданного Грицко Креховецкому 29 марта 1507 г. Этот документ подтвердил аутентичность (признаться, вызывающей вопросы) жалованной грамоты Владислава Опольского на сёла Загвоздь и Пасечное, выданной 6 декабря 1373 г. некоему Генрику de Stakor [11: 9–10]. В данном случае для нас важно, что пан Грицко здравствовал ещё весной 1507 г. Поскольку все Креховецкие XVI в. были его потомками, очевидно, что даже если он не дожил до трагических для всей Червонной Руси событий 1509 г., его сыновья (или сын), в отличие от ближайших соседей – двоих Кнегининских и четверых Дрогомирецких – не изменили Короне Польской и не перешли на сторону молдавского господаря Богдана III.

Своим наследникам Грицко Креховецкий оставил целое гнездо граничивших друг с другом сёл: Креховцы, Загвоздь, Пасечное, более половины Кнегинина, часть Дрогомирчан. До семейных разделов XVI в. Креховецкие могли занимать промежуточное положение между средней и крупной шляхтой Галицкой земли.

Опришовские

В 1378 г. князь Владислав Опольский, «узревши есми на верную службу Драгумиру и на Некрину», пожаловал Драгумиру и его брату Станко село Новое, а Некре – село Старуня, которое «осадил отец Некринь пустыню». Оба села были «на Малой Быстрици» (на правом берегу Быстрицы-Солотвинской). За это пожалование «Драгомир и Некра съ братиею своею, и съ их детми» должны были служить «тремя стрелци» [2: 4–5]. Село Новое не позднее 1420-х гг. стало называться Дрогомирчанами, а Драгомир оказался родоначальником многочисленных Дрогомирецких XVI в. Старуня находилась 25 км юго-западнее Дрогомирчан.

Насколько нам известно, никто из наших предшественников не пытался установить потомков волоха Некры. По нашему мнению, у Некры было два сына: Шандро и Ивашко. «Пань Шандро Некровичь» впервые упоминается в списке «сведцев» разъезжей грамоты 1404 г., после известного нам Ланя Креховича [5: 67–68]. В купчей грамоте 1424 г. галицкого старосты Михаила Буцацкого он фигурирует уже как «пань Шаньдро Апришовьский» [5: 106]. Списку шляхты Галицкого повета от 28 июня 1427 г. известны Шандро Apreschowski и его брат

Ивашко [13: 184]. Таким образом, справедливо названный Л. Выростеком родоначальником Опришовских Шандро был сыном Некры, но не имел никакого отношения к легендарному основателю села волоху Опришу [12: 96].

Пяти записям галицкого суда 1438–1439 г. известны не обязательно родные братья Сенько и Юрко с Опришовцев. Они долго судились с можновладцем русинского происхождения Прокопом (Тяптюковичем) из Стрелищ и Хриплина. Село Хриплин раскинулось напротив Опришовцев, на правом берегу Быстрицы-Надворнянской, однако тяжба велась из-за принадлежности половины небольшого села Березов [6: 39–40, 45–46, 58, 65].

В двух судебных протоколах от 2 января 1447 г. впервые появляется, кажется, единственный на тот момент владелец Опришовцев Федыко. Он выкупил у «пана Куропатвы» заложенное ранее за 20 коп грошей село и одновременно заложил за 7 коп грошей два дворища своему зятю Ивашко (Медыньскому?) [6: 153]. Тот же Федыко в 1464–1465 г. судился с (видимо, своими племянниками) Грицко и Ходько Медыньскими из-за материнской доли имущества братьев в Опришовцах, а в марте 1467 г. заложил за 10 гривен дворище сестре Анне и её мужу Андею [6: 291, 294, 296, 305, 317].

Последний раз Опришовские упоминаются в двух записях галицкого земского суда от 23 апреля 1487 г. Речь в них, скорее всего, шла о двух внуках и внучке пана Федыка. Согласно одной записи, Иван Опришовский получил за женой Фенной 30 золотых приданого и записал 60 золотых вена на своей части села. Во второй записи говорится о том, что Фетинья, «иначе Федя», дочь покойного Василия Опришовского, объявила, что её родные братья Иван и Васько выплатили ей её долю отцовского имущества в Опришовцах [8: 208, 209]. Согласно налоговому реестру 1515 г., в селе было 3 лана пахотной земли [14: 169].

Важные перемены в жизни ранее известного только по списку 1427 г. Ивашка «Некровича» раскрываются в записи галицкого земского суда 1476 г. Согласно ей, шляхтич Матвей, «иначе Негра», дедич Старуни, объявил, что он признает принадлежность его дедичного села Старуни галицкому каштеляну Якову Бучацкому. Отец этого Якова, подольский воевода Михаил Бучацкий, в своё время купил Старуню за внушительные 400 гривен у отца Матвея Негра, шляхтича Ивашка Starvynsky. Матвей и его потомки должны защищать права покупателя и его наследников [8: 174]. Остается добавить, что бывший в 1424 г. галицким старостой Михаил Бучацкий погиб в 1438 г. в борьбе с ордынцами. Разговор о Старуне и Матвее Негре мы продолжим в очерке о Джураковских.

Джураковские

Родоначальником Джураковских (с конца XVI в. – Жураковских) с большой долей условности можно считать княжеского писаря со странным именем (*Lednis scribae*), которому князь Владислав Опольский в 1378(?) г. пожаловал село Чераки (*Czeraki*) на левом берегу Быстрицы-Солотвинской, как раз напротив расположенной на правом берегу Старуни. В XV в. село называлось Джураки (*Dzugaky*), а ныне – Жураки.

Диспозиция переведённой со староукраинского языка на латынь и подтверждённой в 1530 г. грамоты заметно отличается от распоряжений других привилеев Опольского. Особенно бросается в глаза, что, вместо обычного требования служить точно определённым количеством копейщиков и «стрельцов», она содержит пожелание адресату и его наследникам служить, «как право земское устанавливает: по возможности» [2: 3, 5–6]. Впрочем, сама вероятность такого рода пожалований выходцу из писарей не вызывает сомнений. Достаточно вспомнить, что родоначальником перемышльских Болестрашицких был «писарь пана старостынь дьякъ изъ Болестрашичь именемъ Дьячковичъ» – составитель древнейшего червонорусского частного акта на староукраинском языке (1359 г.) [5: 10].

Автор единственного очерка о Джураковских XV в. Л. Выростек, с одной стороны, крайне упрощает ситуацию, а с другой, умудрился сделать несколько грубейших ошибок в тексте объёмом 0,5 страницы. Историк увидел две линии Джураковских в XV в. Одна линия представлена известным с 1441 г. и женатым на жидачовской шляхтянке Федыке-Оринке Голыньской шляхтичем Васько. У Федыки в качестве приданого каким-то образом оказалась часть Джураков. В этом браке появился сын Сенько, который в 1482 г. женился на простой селянке из Грабовца. Их потомки составили первую линию Джураковских XVI в.

Вторая линия Джураковских появилась благодаря другому Голыньскому – Матвею. Он также владел частью Джураков, в 1450 г. она была уступлена Иванишу Переросльскому. Сыном этого Ивана (Иваниша), по Л. Выростеку, был уже известный нам Матвей Негра (не внук волоха Некры!), который после отца наследовал ещё и Старуню. Часть тех же владений (Старуни) получил в 1489 г. и супруг Федыки-Оринки Голыньской Васько [12: 92–93]. Л. Выростек прямо не пишет, что читатель должен догадаться, что все Джураковские-Жураковские XVI в. были потомками упомянутых выше людей. В генеалогической таблице из Джураковских XV в. указаны только Васько из 1441 г. и его сын Сенько [12: 176].

Более близкий к действительности рассказ о Джураковских требует на время отклониться от темы статьи. В 35 км на северо-запад

от Жураков, в Калушском районе Ивано-Франковской области, есть село Голынь. В XV в. оно относилось к Жидачовскому повету Львовской земли. В 1391 г. король Владислав-Ягайло пожаловал это село «Лену Дьяку и его братьям» с обязанностью службы двумя «стрельцами» [3: 7–8].

Из грамоты жидачовского старосты Данила Задеревецкого известно, что в 1424 г. не имевший ни братьев, ни детей Лень (Lew Hołupieski) завещал после смерти отдать своей жене Екатерине перечисленное в грамоте движимое имущество и половину дома. Другую половину дома и, надо думать, всё село Голынь должен был наследовать его сестренец, т. е. сын сестры Матвей [1: 400–401].

Второй и третий раз племянник Лень упоминается уже как Матвей Голыньский в записях галицкого земского суда от 15 апреля 1437 г. и 13 января 1438 г. Истцом в этих делах выступала его жена Кася, сестра покойного галицкого шляхтича русинского происхождения Ходька Головеньчича. Она судилась со своим племянником Яцко Головеньчичем, требуя уступки в качестве приданого половины села Комаров (под Галичем) [6: 23, 31]. Ровно три года спустя, в январе 1441 г., Матвей Голыньский закладывал три дворища in villa sua Dzuraku своей дочери Федыке в счёт её приданого размером 30 коп грошей. Федыка вместе с мужем Васько могут держать дворища в залоге вплоть до уплаты названной суммы [6: 93].

Обратим внимание читателя на несколько «белых пятен». Во-первых, мы не знаем, кем был отец Матвея и имел ли он какое-то отношение к Джуракам. Короче говоря, неизвестно, как Матвей стал владельцем джураковских дворищ, и почему он говорит о Джураках как «своём» селе. Во-вторых, туманно происхождение его зятя Васька и, кстати, дальнейшая судьба этой семейной пары. Запись от 1 января 1450 г. о том, что Матвей за 30 коп заложил bona sua hereditaria шляхтичам из Переросли Иванишу и его братьям, на наш взгляд, свидетельствует, что супруги Федыка и Васько покинули село (скорее всего, умерли, не оставив наследников), и Матвей заложил дворища малоземельным шляхтичам из близлежащего села [6: 202].

По-видимому, именно эта сделка вызвала продолжавшуюся, как минимум, всю весну 1451 г. тяжбу между Матвеем и шляхтянкой Оринкой de Dzuraku, супругой Васька de Dzuraku [6: 208, 211]. Здесь приходится указать на очередные ошибки Л. Выростека. Во-первых, Матвей был отцом двух дочерей: Федыки и Оринки. Во-вторых, с Джураками XV в. связаны две шляхтянки по имени Оринка, и обе они оказались близкими родственницами Матвея Голыньского. Первая Оринка уже известна нам по тяжбе 1451 г. как жена Васька Джураковского. В записи галицкого суда от 16 января 1469 г. её назвал тёткой

по отцу (amitam meam) сын Матвея, Иван Гольньский [6: 321]. Иначе говоря, она была родной сестрой Матвея Гольньского.

Вторая Оринка впервые упоминается вместе с первой Оринкой как раз 16 января 1469 г. Запись от 8 октября 1470 г. называет её супругой шляхтича Матвея de Dzuraku, а сама Оринка говорит на судебном заседании о своем родном брате Иване de Holyn [6: 321, 341], т.е. это дочь Матвея Гольньского. Неоднократные упоминания Оринок вместе с мужьями очень помогают выяснению того, с кем мы имеем дело в той или иной записи: с сестрой или дочерью Матвея Гольньского.

Первая Оринка (сестра Матвея Гольньского) 16 января 1469 г. попыталась передать Иванишу de Dzurakow два дворища в Джураках «на вечные времена», однако эта сделка сразу была опротестована Иваном Гольньским, который заявил, что эти дворища «уступлены ему на вечные времена» [6: 320]. Можно догадаться, что в конечном итоге не ставший Джураковским Иваниш был знакомым нам по тяжбе 1450 г. жителем Переросли.

В тот же день, 16 января 1469 г., Оринка уступила треть Джураков своему мужу Васько «на вечные времена» и одновременно признала, что на двух других частях села ею записаны 30 коп грошей долга. Тогда же Иван Гольньский опротестовал эту запись своей тетки, заявив, что дарованная Оринкой мужу треть Джураков принадлежит ему, Ивану, и он готов подтвердить это записью в книге жидачовского суда. Оринка (жена Васька) и Оринка (супруга Матвея Джураковско-го) ответили уступкой племяннику и брату Ивану Гольньскому двух дворищ в Джураках «на вечные времена», в счёт уплаты долга в 20 коп грошей [6: 321]. Оставшиеся 10 коп (в тексте: гривен) долга Васько (Wasil de Dzuraku) заплатил Ивану Гольньскому в октябре 1470 г., чем вызвал недовольство Оринок – супруги Матвея Джураковско-го: она утверждала, что брат до сих пор не обеспечил её приданым, поэтому деньги следует отдать ей [6: 341].

В августе 1482 г. Васько Джураковский разрешил своему сыну Сенько записать очень скромные 17 злотых вена на половине своей части Джураков его жене Марухне – дочери не шляхтича, а обычного hominis Гриня из близлежащего села Грабовец [8: 187]. В галицких записях после 1482 г. постаревший Васько превращается в Василия – кредитора галицкого подчашего Франциска Куропатвы. В сентябре 1488 г. один из сыновей подчашего, Станислав, продал Василию свою часть граничившего с Грабовцом села Цецилов [8: 192, 210, 215].

Иван Гольньский вплоть до 1487 г. также время от времени выступал в роли кредитора галицких шляхтичей (правда, мелких) [8: 210, 252–254] и, возможно, вплоть до смерти оставался владельцем части Джураков. Множество Гольньских конца XVI в., скорее

всего, были потомками этого Ивана. В 1578 г. Голыньские владели не только Голынью, но и частями галицких сёл Старуня и Переросль [14: 83, 93].

Последние упоминания Василия и Матвея Джураковских связаны со знакомой нам Старуней. Уже упоминавшийся в этой статье галицкий каштелян Яков Буцацкий в 1479–1482 гг., в 2 этапа, продал село шляхтичу русинского происхождения с севера Галицкой земли Василию Свистельницкому [8: 183, 194]. Пан Свистельницкий, начиная с января 1483 г., неоднократно закладывал разные части Старуни Матвею Джураковскому, а 7 июня 1490 г. продал обе половины села (каждая – за 150 гривен) Василию и Матвею Джураковским. Матвей в тот же день продал треть своей половины Старуни шляхтичу Васько Pęgosky (вероятно, Переросльскому) [8: 191, 210, 213, 218].

На наш взгляд, именно супруги Оринок Василий (Васько) и Матвей являются главными претендентами на роль продолжателей рода Джураковских. Происхождение самих этих шляхтичей остается неясным. Скорее всего, они связали свою жизнь с Джураками благодаря своим женам. Мы не исключаем, что шурин Ивана Голыньского Матвей Джураковский до женитьбы был Матвеем Negra – сыном Ивашка Некровича, внуком Некры и близким родичем Опришовских.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют достоверно установить, чьими потомками были Джураковские XVI в. Согласно налоговому реестру Галицкой земли 1515 г., Джураками владели Фёдор (1 лан пахотной земли) и Стец (2 лана). О владельцах Старуни реестр 1515 г. умалчивает, однако, судя по реестру 1578 г., село хотя бы частично также принадлежало Джураковским. Неясно и происхождение Миколая и безымянного Джураковских – в 1515 г. совладельцев граничившего со Старуней села Ляховцы, бывшего владения Буцацких [14: 93, 169].

То же самое можно сказать и про обратившихся в 1530 г. к королю Сигизмунду I с просьбой перевести *de ruthenico in latinum* и подтвердить жалованную грамоту князя Владислава Опольского на село Czeraki Миколая Dzurakowski, Fedorici alias Feodor, Ioannis alias Iwan et Iozephi. Последние трое шляхтичей оказались родными братьями – совладельцами села Старуня. В 1527 г. – вместе с Миколаем и Фёдором Джураковскими, Петром Переросльским, а также с шестью Дрогомирецкими – они были среди тех, кто просили Сигизмунда I подтвердить жалованную грамоту 1378 г. Опольского на села Старуня и Новое [2: 2–3].

Подведём итоги. Мы рассмотрели шляхетское население предгорного микрорегиона, занимавшего примерно 4 % от 18 тыс. км² общей площади Галицкой земли. Бросается в глаза, что в XV в. все шляхетские

сёла находились только на берегах Быстрицы-Солотвинской – но не на притоках реки. Количество и населённость шляхетских сёл даже в конце XV в. не шли ни в какое сравнение с реалиями второй половины XVI в. На рубеже XV–XVI вв. около половины сёл концентрировалось на небольшом пятачке в месте слияния обеих Быстриц: понятно появление здесь в 1509 г. войска Богдана III – молдавские воины могли рассчитывать на богатую добычу в виде пленников и скота.

На протяжении всего XV в. всё немногочисленное постоянное шляхетское население бассейна Быстрицы-Солотвинской было представлено только православными – русинами и обрусевшими волохами. В 1509 г. всех совершеннолетних шляхтичей мужского пола можно было разделить на две не совсем равные части: одна половина родов (Кнегининские и Дрогомирецкие) перешла на сторону Богдана III, другая (Креховецкие, Опришовские и Джураковские) – осталась верна полякам; это соответственно 6 и 5-6-8 шляхтичей, соотношение если не 50 на 50, то примерно 40 на 60 %. Среди отказавшихся перейти на сторону Богдана III оказались и соседи изменников Креховецкие, и младший брат изменников Ивашко Кнегининский.

Что касается самих изменников, то следует приглядеться к их материальному положению: двое Кнегининских и четверо Дрогомирецких были совладельцами частей двух небольших сёл. То же самое можно сказать о десяти других изменниках на юге Галицкой земли, в Покутье: троих Мышинских и их соседях – семерых Березовских [4: 14–15, 24–25]. Иначе говоря, проживавшие в четырёх сёлах 16 шляхтичей, т. е. ровно две трети изменников, оказались даже не мелкими, а мельчайшими землевладельцами, не богаче (а возможно, и беднее) обычных крестьян-кметов. В отличие от зажиточных соседей, у них, скорее всего, просто не было возможности эвакуировать свои семьи, поэтому им пришлось подчиниться захватчикам.

Разумеется, нельзя не обратить внимание на позднее появление на берегах Быстрицы-Солотвинской шляхетского населения: Дрогомирецкие, Опришовские и Джураковские получили земельные пожалования в 70-е гг. XIV в. Сомнения в их шляхетском происхождении наводят на мысль, что весь бассейн Быстрицы-Солотвинской поначалу не сильно привлекал местную и пришлую шляхту. Креховские, скорее всего, поселились в этих местах только на рубеже XIV–XV вв. В первой половине XV в. получили здесь сёла, но не стали местными жителями Бучацкие, Колы и некоторые другие крупные шляхетские роды польского происхождения.

Кнегининские оказались единственным шляхетским семейством, которое, кажется, не связано с земельными пожалованиями польских властей во второй половине XIV – первой половине XV в. Судя по раз-

мерам пашни (1 лан) и названию села, они едва ли были потомками галицких бояр древнерусских времён. Их предки больше похожи на княжеских полупривилегированных военных слуг.

С точки зрения макроистории Галицкая земля площадью 18 тыс. км² – это очень небольшой регион, который вроде бы должен обладать неким набором специфических характеристик, отличающих его от других земель Русского воеводства Польского королевства. В настоящей статье акцент был сделан на применении микроисторического подхода. Думается, это принесло свои плоды. Очевидно, что отдельные части Галицкой земли XV в. различались и по этническому (конфессиональному) составу шляхетского населения, и по численности шляхтичей, и даже по срокам освоения шляхтичами той или иной местности в «польский» период червонорусской истории.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AGZ - Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie.

MRPS - Matricularium Regni Poloniae Summaria, excussis codicibus, qui in Chartophylacio Maximo Varsoviensi asservantur / Ad. T. Wierzbowski.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Капраль М.* Данило Дажбогович Задеревецкий – засновник роду Даниловичів // Academia. Terra Historiae. Студії на пошану Валерія Смолія: У 2-х кн. Київ: Інститут історії України НАН України, 2020. Кн. 1. С. 389–402.

2. Кілька грамот Володислава Опольського / подав М. Грушевський // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1903. Т. LI. С. 1–8.

3. Матеріали до історії суспільно-політичних і економічних відносин західньої України / подає М. Грушевський // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1905. Т. LXIV. С. 47–94.

4. *Пашин С.С.* Семь шляхетских родов Галицкой земли XV века: генеалогический комментарий к указу 1510 г. короля Сигизмунда I об амнистии шляхтичей-изменников // Русин. 2023. № 72. С. 11–29. doi: 10.17223/18572685/72/2

5. Южнорусские грамоты / собр. В. Розовым. Киев: Типография Киево-Печерской Успенской Лавры, 1917. Т. 1. 176, 75, IX с.

6. AGZ. We Lwowie: Z I. Związkowej drukarni we Lwowie, 1887. T. XII / Wyd. O. Pietruski, X. Liske. XIV, 551 s.

7. AGZ. We Lwowie: Z I. Związkowej drukarni we Lwowie, 1891. T. XV / Wyd. X. Liske. XIII, 720 s.

8. AGZ. We Lwowie: Z drukarni E. Winiarza we Lwowie, 1906. T. XIX / Wyd. A. Prochaska. XXXIV, 855 s.
9. *Boniecki A.* Herbarz polski. Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich. Warszawa: Skład główny Gebethner i Wolff w Warszawie, 1908. T. XII. 400, IV s.
10. [*Dzieduszycki M.*] Kronika domowa Dzieduszyckich. Lwów: Z drukarni Zakładu narodowego imienia Ossolińskich, 1865. 480, LXXXIV s.
11. MRPS. Varsoviae: Typis officinae C. Kowalewski, 1910. Pars IV. Vol. 1. VII, 479 p.
12. *Wyrostek L.* Ród Dragów-Sasów na Węgrzech i Rusi Halickiej. Kraków: Nakładem Polskiego towarzystwa heraldycznego, 1932. 192 s.
13. Z Jana Zamoyskiego inwentarza archiwum koronnego. Materiały do dziejów Rusi i Litwy w XV wieku / opr. O. Halecki // Archiwum komisji historycznej. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności Skład główny w księgarni G. Gebethnera i sp. w Krakowie, Gebethnera i Wolffa w Warszawie, 1919. T. XII. Cz. I. S. 146–218.
14. Źródła dziejowe. Warszawa: Warszawska Drukarnia Estetyczna, 1902. T. XVIII. Cz. I / Ziemia ruskie. Ruś Czerwona / opis. przez A. Jabłonowskiego. 252, XVIII, 72, 66 (B) s.

REFERENCES

1. Kapral, M. (2020) Danilo Dazhbohovich Zaderivets'kyi – zasnovnyk rodu Danylovychiv [„Danilo Dazhbohovich Zaderivetsky – Founder of the Danilovich Family“]. In: *Academia. Terra Historiae. Studii na poshanu Valeriia Smoliia*. Vol. 1. Kyiv: Institute of History of Ukraine, NAS of Ukraine. pp. 389–402.
2. Hrushevskiy, M. (ed.) (1903) Kil'ka gramot Volodislava Opol's'kogo [Several diplomas of Vladislav Opolsky]. *Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka*. Vol. LI. pp. 1–8.
3. Hrushevskiy, M. (ed.) (1905) Materialy do istorii suspil'no-politychnykh i ekonomichnykh vidnosyn zakhidnoi Ukraïny [Materials to the history of social-political and economic relations of the western Ukraine]. *Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka*. 63. pp. 1–56.
4. Pashin, S.S. (2023) Seven noble families of Galicia in the 15th century: A genealogical commentary on the decree of King Sigismund I of 1510 on the amnesty of traitor nobles. *Rusin*. 72. pp. 11–29 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/72/2
5. Rozov, V. (ed.) (1917) *Yuzhnorusskie gramoty* [South Russian Charters]. Vol. 1. Kyiv: Kyiv-Pechersk Lavra.
6. Pietruski, O. & Liske, X. (eds) (1887) AGZ. Vol. XII. Lwów: Z I. Związkowej drukarni we Lwowie.

7. Liske, X. (ed.) (1891) AGZ. Vol. XV. Lwów: Z I. Związkowej drukarni we Lwowie.
8. Prochaska, A. (ed.) (1906) AGZ. Vol. XIX. Lwów: Z drukarni E. Winiarza we Lwowie.
9. Boniecki, A. (1908) *Herbarz polski. Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich*. Vol. XII. Warszawa: Skład główny Gebethner i Wolff w Warszawie.
10. [Dzieduszycki, M.] (1865) *Kronika domowa Dzieduszyckich*. Lwów: Z drukarni Zakładu narodowego imienia Ossolińskich.
11. Wierzbowski, T. (ed.) (1910) *MRPS*. Part IV. Vol. 1. Varsoviae: Typis officinae C. Kowalewski.
12. Wyrostek, L. (1932) *Ród Dragów-Sasów na Węgrzech i Rusi Halickiej*. Kraków: Nakładem Polskiego towarzystwa heraldycznego.
13. Halecki, O. (ed.) (1919) Z Jana Zamoyskiego inwentarza archiwum koronnego. Materyały do dziejów Rusi i Litwy w XV wieku. *Archiwum komisji historycznej*. 12(1). pp. 146–218.
14. Jabłonowski, A. (ed.) (1902) *Źródła dziejowe*. Vol. 18(1). Warszawa: Warszawska Drukarnia Estetyczna.

Пашин Сергей Станиславович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Тюменского государственного университета (Россия)

Sergey S. Pashin – Tyumen State University (Russia)

E-mail: pashin-s@yandex.ru